

Ся Си от природы умел располагать к себе старших. В прошлой жизни он часто водил за нос старого господина Ся, что уж говорить о Гун Дэмине, который относился к нему с особой теплотой. Император не кичился своим положением, и за три дня старик и юноша на удивление сблизились.

За это время было завершено побочное задание Внешняя красота и внутренняя мудрость, за которое Ся Си получил триста очков и десять единиц Удачи, а в качестве бонуса за досрочное выполнение — флакон целебных пилюль. Той ночью выпал обильный снег, к утру он поутих, и в императорском саду расцвела зимняя слива. Ся Си снова получил приказ от евнуха явиться в теплую беседку, чтобы составить компанию Гун Дэмину за созерцанием снега.

Благодаря целебным пилюлям, которые давал Ся Си, Гун Дэмин почувствовал себя значительно лучше и привязался к юноше еще сильнее. Говорят, что снег в начале года — к богатому урожаю, и император, глядя на заснеженный пейзаж, пребывал в отличном расположении духа. Нахлынувшее вдохновение побудило его предложить Ся Си сыграть партию в шахматы.

Гун Дэмин был не самым выдающимся правителем, но в шахматах разбирался мастерски. Ся Си же в прошлой жизни постоянно играл со старым господином Ся, поэтому партия выдалась напряженной. Гун Дэмин рассмеялся:

— Твой стиль игры, Ся Си, точь-в-точь как у меня: ни суеты, ни спешки, шаг за шагом к цели. В столь юном возрасте обладать таким спокойствием — редкий дар!

Стоявший рядом главный евнух, видя, как государь благоволит юноше, улыбнувшись, поддакнул:

— Если позволите заметить, государь, то, как молодой господин Ся задумчиво склонил голову — этот профиль, эта стать... словно вы в молодости, государь.

Сказано было без задней мысли, но Гун Дэмин призадумался. Он посмотрел на Ся Си, и в голове невольно всплыла мечта, о которой он бесчисленное количество раз грезил во сне, хотя прекрасно понимал, что это невозможно.

А вдруг...

Отвлечшись, император случайно сделал неверный ход. Ся Си изначально планировал поддаться, но не мог игнорировать такую оплошность, поэтому с радостью съел все окруженные камни противника. Он нарочно спрятал их за спину и, внимательно посмотрев на Гун Дэмина, сказал:

— Ваше Величество, раз сходили — назад не возьмешь, правила есть правила!

Дерзость юноши, смягченная детской непосредственностью, не могла вызвать гнева — лишь умиление. В голосе Гун Дэмина прозвучала отеческая ласка:

— Хорошо-хорошо, не буду жульничать!

Партия, длившаяся больше часа, завершилась победой Ся Си. Юноша светился от счастья, словно ребенок, радующийся пустякам. При улыбке у него проступали крошечные ямочки на щеках, и окружающим невольно становилось светлее. Гун Дэмин, давно не ощущавший такой простой семейной радости, почувствовал невероятное облегчение и пригласил Ся Си на обед.

После трапезы император, по многолетней привычке, пил чай Лунцзин. Заметив, что юноша, вызвавшийся заварить чай, вдруг замер, он спросил:

— Ся Си, что случилось?

Юноша, который только что был весел, ответил приглушенным тоном:

— Князь Ли тоже очень любит Лунцзин.

Несмотря на печальный тон, внутри Ся Си ликовал. Он считал, что справляется на отлично: в руководстве для Ничтожного пассива было сказано, что такой человек должен безоговорочно защищать Негодяя-ату. Три дня он старательно налаживал отношения с императором, и вот наконец представилась возможность замолвить слово!

Гун Дэмин нахмурился:

— Ты тоскуешь по князю Ли?

— Да, — Ся Си подал заваренный чай и посмотрел на императора огромными, сияющими глазами. — Ваше Величество, я уверен, что князь Ли не мог совершить отравление.

Гун Дэмин ободряюще похлопал его по руке:

— Я тоже знаю, но пока следствие не завершено...

Ся Си никогда не участвовал в борьбе за власть, но понимал, что все подобные распри одинаковы. Он знал, что правды не найдут: дело слишком серьезное, и тот, кто это затеял, не оставил улики. В итоге найдут козла отпущения. Все зависит от отношения императора — власть правителя выше неба, и если он захочет проявить милость, то даже величайшее преступление сойдет с рук.

Ся Си с легкой грустью произнес:

— Когда я жил в княжеском дворце, князь Ли во многом мне помогал, поэтому...

— Я знаю, что ты добрый и верный юноша, — вздохнул Гун Дэмин. — Но я должен действовать согласно закону, чтобы подданные не роптали. Впрочем, не волнуйся: как только все прояснится, я восстановлю честное имя князя Ли и компенсирую ему все обиды.

— Вы сами сказали, что князь Ли пострадал без вины, — в голосе Ся Си зазвучала мольба. — Сейчас праздник, за окном снег, а он один в Управлении императорского рода, в холоде и одиночестве... Не знаю, как он там ест и спит. Вы самый милосердный из всех, кого я знаю, нельзя ли сменить место его заключения? Пусть он хотя бы встретит Новый год в своем дворце?

Гун Инань, конечно, не страдал от особых лишений. Он пробыл в Управлении всего три-четыре дня, и никто не осмеливался обижать князя, чей авторитет был непоколебим. Но люди по природе своей эгоистичны, и за эти дни он успел сполна ощутить холод людских сердец. Поэтому, увидев Ся Си, Гун Инань почувствовал, как сердце наполнилось теплом, несмотря на падающий за окном снег.

Помимо преданных подчиненных, в этом мире нашелся человек, готовый без всякой причины протянуть ему руку, даже когда он погряз в трясине.

— Император наконец согласился, тебе больше не нужно здесь оставаться, — Ся Си с улыбкой протянул руку. — Пойдем скорее домой!

Гун Инань сжал ладонь юноши, мысленно повторив слово мы. Ему хотелось сказать мы идем домой. Скрывая за спиной Ся Си холодный, пронзительный взгляд, он смягчился:

— Хорошо, пойдем.

Снег постепенно перестал идти, и они решили не садиться в карету, а прогуляться по заснеженной тропинке. Охрана, сопровождавшая князя, держалась на расстоянии. Старший стражник был неглуп: он понимал, что конвоирование — лишь формальность, а связываться с князем Ли себе дороже, да и Ся Си пользовался доверием императора, так что лучше было проявить любезность.

Дорожка за Управлением была безлюдной, и на белоснежном полотне оставались лишь две цепочки следов — большая и маленькая. Гун Инаню это казалось символом вечности.

Жить вдвоем всю жизнь.

Эта фраза сама собой возникла в его мыслях. Он шел, держа Ся Си за руку, и, несмотря на

зимний холод, внутри у него все клокотало, словно кипяток, который продолжал нагреваться.

Впереди показалась главная дорога. Ся Си оглянулся на стражников и остановился:

— Давай все же сядем в карету.

Гун Инань тоже остановился, дожидаясь охрану:

— Тебе холодно?

Ся Си в прошлой жизни ужасно боялся холода, поэтому честно признался:

— Немного.

Гун Инань склонил голову, крепче сжал его озябшую руку и прижался своим лбом к его холодному, обветренному лбу.

На таком близком расстоянии он видел каждую ресничку и ясные зрачки юноши. Обняв Ся Си, он вдохнул исходящий от него свежий аромат:

— Ся Си...

Руки и тело юноши были горячими, как печка, к которой прильнул котенок. Ся Си было очень приятно:

— М-м?

Этот мягкий звук отозвался в душе Гун Инаня дрожью. Он больше не мог сдерживаться и поцеловал Ся Си в лоб, прошептав:

— Ся Си, я люблю тебя. Я хочу заботиться о тебе всю жизнь. Будь со мной, хорошо?

Ся Си остолбенел.

Что происходит? Он в ужасе отстранился от Гун Инаня и недоверчиво вытаращил глаза:

— Что ты сказал?

Гун Инань понимал, что надежды мало, но такая реакция больно ударила по нему:

— Ся Си, я люблю тебя...

— Как ты можешь меня любить? — Ся Си начал пятиться, качая головой. — Ты, должно быть, ошибся, верно?

Гун Инань ошибся! Разве может Негодьяй-ата полюбить Ничтожного пассива? В руководстве четко сказано: Негодьяй-ата должен лишь мучить и унижать, но никак не признаваться в любви!

— Как я мог ошибиться? — Гун Инань не хотел давить на него, поэтому лишь горько усмехнулся. — На самом деле я полюбил тебя давно. Может, еще в тот миг, когда впервые увидел, сам того не осознавая. Я не прошу тебя ответить сразу, просто дай мне шанс, позволь тебе доказать свои чувства, хорошо?

Ся Си не слушал. В его голове крутилось лишь одно: он не ошибся. Если Гун Инань не ошибся, значит, ошибся сам Ся Си?

О боже! Неужели именно поэтому основное задание до сих пор не выполнено? Неужели Гун Инань — не Негодьяй-ата и не цель для обольщения, а он с самого начала перепутал человека?

— Прости, — только и смог вымолвить Ся Си. Взгляд Гун Инаня потускнел. Ся Си, не оглядываясь, развернулся: — Мне нужно побыть одному.

И в этот самый миг он заметил в лесу блеск холодного металла. Не успев подумать, по привычке, выработанной заданиями, он инстинктивно заслонил собой Гун Инаня.

В то же мгновение раздался свист стрелы. Гун Инань, погруженный в свои переживания, среагировал на долю секунды позже. Этой секунды хватило, чтобы он увидел, как тонкое тело Ся Си принимает на себя удар, и холодный наконечник пронзает грудь юноши.

— Убийцы! Защитить князя!

Стражники мгновенно окружили их, а лучшие воины бросились в погоню. Дорожка, по которой они только что шли, держась за руки, была затоптана и залита кровью, словно той чистоты никогда и не было.

Шум, крики, топот — Гун Инань больше ничего не слышал. В его глазах был только юноша на его руках:

— Ся Си...

Ярко-алая кровь стекала по ране, пачкая одежду Гун Инаня, и капала на белый снег. Стрела

пронзила Ся Си, но Гун Инань почувствовал, как тысячи стрел вонзились в его собственное сердце. Боль была такой невыносимой, словно у дракона вырвали чешую.

— Ся Си, не спи... смотри на меня, смотри на меня...

<http://bllate.org/book/22145/2307204>